

ничений и затемнений, возникающее вследствие контакта чистого сознания с материей» [10, с.284–285]. Как мы видим, основной акцент в учении буддизма был сделан на самопознание и самосовершенствование личности, на освобождении сознания от «оков неведения», в котором человеку раскрывалась его изначальная целостность Самости. Являясь глубоко психологическим учением, буддизм апеллировал к внутреннему миру человека, в котором, выражаясь языком современной аналитической психологии, в ходе гностического опыта познания, человек интегрировал проявления сознания и бессознательного в единый архетипичный принцип Самости. Появившись, за двадцать пять веков до открытия психоаналитических теорий, буддизм назвал это состояние просветлением, а путь, ведущий к просветлению – срединным путем. В «Праджняпарамите-сутре» сказано: «Срединный путь – это путь, в котором нет ни середины, ни сторон. Когда вы связаны объективным миром, вы на одной стороне, когда беспокойство ваше имеет внутреннюю, умственную причину, – на другой. А когда перестанет существовать и то, и другое, то нет и никакой середины. Это и есть срединный путь» [11, с.363].

Источники и литература

1. Юнг К.Г. Психологические типы / Пер. с нем. Под общ. ред. В. Зеленского. – СПб.: Ювента, 1995. – 720 с.
2. Буддийская мудрость / Сост. В.В. Лавский. – Мн.: Лотаць, 2000. – 400 с.
3. Буддийская мудрость. Там же.
4. Тибетская книга мертвых / Пер. с англ. О.Т. Туманова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, Информпресс+, 1999. – 336 с.
5. Буддизм: Четыре благородные истины. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. – 992 с.
6. Буддизм: Четыре благородные истины. Там же.
7. Тибетская книга мертвых / Пер. с англ. О.Т. Туманова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, Информпресс+, 1999. – 336 с.
8. Элиаде Мирча. Йога. Свобода и бессмертие / Пер. с англ. С. Никшич и Д. Палец - К.: София, 2000. – 400 с.
9. Тибетская книга мертвых / Пер. с англ. О.Т. Туманова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, Информпресс+, 1999. – 336 с.
10. Тибетская книга мертвых. Там же.
11. Буддизм: Четыре благородные истины. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. – 992 с.

Керим-Заде И.А.

СИСТЕМНОСТЬ ЛЕКСИКИ И СООТНОШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

В настоящее время, когда вопрос о системной организации лексического состава языка перестал быть дискуссионным, усилия лингвистов направлены на распознавание природы и специфики лексической системы. Исследователями, Маковским ММ.[8], отмечается, что системные отношения в лексике имеют качественно иной характер по сравнению с системностью в фонетике и морфологии, а также, по словам Уфимцевой А.А [14] «установление системных отношений в лексике сложнее, чем на других уровнях».

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование принципов выявления природы и характера лексической системности.

По мнению Уфимцевой А.А[14], признается, что «к лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика)».

Парадигматические отношения в лексике детерминируют разбиение всех лексических единиц по определенным микросистемам – парадигмам, скрытым, непосредственно не наблюдаемым лишь косвенно присутствующим в форме содержащихся уже в самой лексической единице правил ее функционирования в речи.

Традиционно термин «парадигма» связывался с морфологией, а затем с фонологией. Однако, с признанием того, что парадигматические отношения пронизывают всю языковую систему, он стал употребляться применительно к синтаксису и лексикологии. Со слов Щербы Л.В. [15], «можно с уверенностью полагать, что понятие парадигмы, дифференциальных признаков, дистрибуции, нейтрализации вполне естественно распространяются на все уровни языка, в том числе и на лексику». Действительно, понимание «парадигмы» как совокупности языковых единиц, находящихся в отношении отождествления и противопоставления одновременно, вполне приемлемо для лексикологии. «Системный характер словарного состава обнаруживается, в первую очередь, в распределении слов по некоторым семантически объединенным лексическим группам – лексико-семантическим парадигмам. Каждое слово языка входит в определенную лексико-семантическую парадигму, причем, чаще всего, вследствие своей многозначности, не только в одну» [9]. Все единицы лексической парадигмы отождествляются по какому-либо признаку, существенному и основному, присущему всем без исключения членам ряда, и противопоставляются по другим (дифференциальным) признакам [7].

В грамматике парадигма всегда соотнесена с определенной грамматической категорией, выступая как

средство реализации грамматического значения. Понятие грамматической категории, по словам Гухмана М.М. [3, с.127], выявляется только на фоне парадигмы.

В лексике подобным же образом термин «парадигма» должен рассматриваться в связи с понятием лексической категории. Иными словами, лексическая парадигма соотносится с лексической категорией, которую, в свою очередь, можно охарактеризовать как лексическое или лексико-грамматическое значение, реализуемое в противопоставленных членах. Категориальное значение – это значение, присущее парадигме в целом и каждой единице этой парадигмы, т.е. являющееся интегральным признаком парадигмы.

Однако, как считает Д.И. Шмелев, «многие слова (взятые в одних и тех же значениях) являются одновременно членами не одной, а нескольких лексико-семантических парадигм, в которых они противопоставлены другим словам по различным семантическим признакам» [16].

Особенно важной, поэтому является проблема выделения релевантных признаков, на основе которых может осуществляться распределение лексических единиц по парадигмам. Ведь можно выделить «несущественные» признаки и, следовательно, отношения, устанавливаемые на их основе, также будут нерелевантными для лексической системы. Еще Л.В. Щерба писал, что «всякая классификация подразумевает некоторый субъективизм классификатора, в частности, до некоторой степени произвольно выбранный *principium divisionis*. Таких *principium divisionis* можно было бы выбрать очень много, и соответственно этому, если задаться целью «классифицировать» слова, можно было бы устроить много классификаций слов, более или менее остроумных, более или менее удачных» [17].

Размышляя о частях речи, как одному из способов классификации лексического состава языка, Л.В. Щерба писал, что в этом вопросе «исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или, точнее, – ибо дело вовсе не в «классификации», – под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе» [17].

Ту же мысль и по тому же поводу выразил В.В. Виноградов, цитируя следующее высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ: «наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав» [2]. В.М. Жирмунский подчеркивает, что «классификация объектов науки, существующих в реальной действительности, природе или обществе, на самом деле вовсе не требует той формально-логической последовательности принципа деления, которая необходима для классификации отвлеченных понятий. Она требует только правильного описания системы признаков, определяющих в своей взаимосвязи данный реально существующий тип явлений» [4]. Такой реальной, а не логической классификацией является выделение частей речи как действительно существующих в языке классов слов.

Предпринятый в последние десятилетия ряд попыток создать классификацию частей речи по основным правилам логического классифицирования не увенчались успехом, и «лингвисты вынуждены вернуться к прежнему подразделению» [5].

Принцип классификации по частям речи, «навязываемый самой языковой системой», в полной мере относится к любой классификации лексического состава языка и должен стать основным при исследовании системных свойств лексики. Т.о., при выявлении системности лексического состава языка, специфических особенностей и характера этой системности необходимо исходить не из каких либо априорных, навязываемых языку схем или привнесенных из логики классификационных критериев, а из критериев и признаков, являющихся сущностными характеристиками конститuentов этой системы.

Слову как основной единице языка – лексической и грамматической – присущи два вида значений: лексическое, индивидуальное, выделяющее данную лексическую единицу из всей совокупности лексических единиц языка, и грамматическое, объединяющее слова в довольно крупные по количеству представленных в них единиц классы или разряды. «Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собой внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений» [2, с.217].

Тесная взаимосвязь и глубокое взаимодействие лексических и грамматических значений в слове – одно из конституирующих свойств лексических единиц.

Искусственное расчленение этих двух аспектов значения при анализе лексики языка приводит к ее одностороннему описанию. Только признание неразрывности, единства в слове лексического и грамматического значений может способствовать воссозданию картины системности лексики, поскольку «грамматические различия пронизывают всю лексику, организуя ее изнутри» [6, с.32].

Наиболее общим грамматическим признаком, содержащимся в слове, является категориальное значение, именуемое так потому, что оно представляет собой «указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других» [10, с.307].

Наличие общих категориальных грамматических признаков в значении предопределяет типичные способы функционирования слов, относящихся к одному классу, в составе предложения, создает единообразие их синтагматических характеристик.

При рассмотрении соотношения лексического и категориального грамматического значений в слове лингвистами отмечается «несамостоятельность», «дополнительность» грамматического значения [1, с.98–103], но определить его общие и существенные признаки далеко не просто.

Положение о том, что грамматическое значение всегда имеет то или иное языковое выражение, т.е.

формальный показатель, а лексическое значение выражается отдельным словом или словосочетанием правильно, но недостаточно, т.к. существуют слова, выражающие только грамматическое значение.

Разграничение двух видов значения с точки зрения содержания, при котором лексическое значение определяется как «конкретное», «существенное», а грамматическое как «общее», «обобщенное», также не является достаточно ясным. Слово может иметь своим содержанием, какие угодно общие и какие угодно отвлеченные понятия, например, «отношение», «категория», «возможность» и т.п.

Наиболее лаконичное объяснение соотношения лексического и грамматического значений в слове дает М.И. Стеблин-Каменский: «По-видимому, наиболее существенным для различия между грамматическим и лексическим значениями является то, что они играют неодинаковую роль по отношению к нашему мышлению в процессе речи. На то, что основной признак значения – определенное отношение к нашему мышлению, указывали очень многие грамматисты, правда, обычно мельком. Лексические значения образуют, основной материал нашей мысли, и только в этом смысле они «вещественны» или «предметны», т.е. не в буквальном смысле, а в очень специфическом, фигуральном смысле. Грамматические же значения придают нашей мысли оформленность. Не без основания поэтому первые называются некоторыми грамматическими также «основными», «самозначащими», а вторые – «сопутствующими», или «формальными». Таким образом, по отношению к нашему мышлению в процессе речи основное свойство грамматических значений можно бы назвать «несамостоятельностью».

«Несамостоятельность» эта сказывается, прежде всего в том, что они не предмет нашей мысли, что наша мысль никогда не сосредоточена на них, что они не называют и не фиксируют содержание нашей мысли, как это делают лексические значения, а лишь сопутствуют значениям и оформляют их; одним словом, что они – как бы форма по отношению к содержанию нашего мышления [13].

Здесь уместно отметить, что ввиду «несамостоятельности» категориальных грамматических значений их установлению должен предшествовать анализ лексических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указание на его грамматическую характеристику.

Выше уже подчеркивалось, что категориальное грамматическое значение слова не только определяет, под какую категорию подводится то, или иное слово, но и предопределяет его функционирование. Более того, «грамматическое значение и не может быть определено иначе, как путем описания его функций» [12].

Следовательно, принадлежность слова к той или иной лексико-грамматической категории обусловлена его семантическими и функциональными особенностями. Поэтому части речи называются ещё семантико-функциональными классами или разрядами. Этот термин не противоречит традиционному определению частей речи, как лексико-грамматических классов слов, но является более точным, поскольку «части речи просто выделяются по семантическо-функциональному признаку. Конечно, должны приниматься во внимание и другие критерии их различения, если структура данного языка позволяет их учитывать, но не эти их признаки являются определяющими» [11]. При определении частей речи следует положить в основу учение о функционально-семантических разрядах. В этом самое главное. Второстепенным объектом изучения являются различные степени морфологизации частей речи, дающие очень пеструю картину в разных языках. Слабая морфологическая оформленность не означает отсутствия разряда. Функционально-семантические разряды основа учения о частях речи [11].

Такая точка зрения хорошо согласуется с взглядами Л.В. Щербы. Критикуя «морфологизм школы Ф.Ф. Fortunatova, он пишет: »Впрочем, едва ли мы потому считаем **стол**, **медведь** за существительное, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные. Я полагаю, что все же функция слова в предложении является всякий раз решающим моментом для восприятия [17]. Важность значения для определения частиречной принадлежности слова трудно переоценить...» если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или иное слово под данную категорию: если мы знаем, что **какаду** – название птицы, мы не ищем формальных признаков того, чтобы узнать в этом слове существительное [17].

Для выявления природы и характера лексической системности необходимо преодолеть односторонность подходов реализуемых как раздельное описание «грамматических» и «лексических» свойств словарного состава языка. Понимание слова как единства лексического и грамматического детерминирует классификацию и представление совокупного лексического материала в виде иерархически структурированных множеств (парадигм): семантически-функциональных классов, подклассов, разрядов с одной стороны и семантических полей, микрополей – с другой. Конституентами обоих видов множеств являются микро-системы, традиционно называемые лексико-семантическими группами.

Реализация описанного подхода к классификации лексики в целом может быть использованы для составления системных словарей, в методике преподавания языков.

Источники и литература

1. Ахманова О.С. Очерки общей и русской лексикографии. – Москва: изд-во мин.просв. РСФСР,1957. – 296 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – Москва: из-во «Высшая школа», 1972. – 613 с.
3. Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм. – Исследования по общей теории грамматики. – Москва: «Наука»,1968. – 384 с.

4. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации. Общее и германское языкознание. Ленинград: из-во «Наука», 1976. – С. 60–82.
5. Иванова И.А. О полевой структуре частей речи в английском языке. Теория языка, методы его исследования и преподавания. – Ленинград: из-во «Наука», 1981. – С. 125–129.
6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Ленинград: из-во «Наука», 1972. – 216 с.
7. Кузнецова Э.В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов. Вопросы металингвистики. – Ленинград: из-во ЛГУ, 1973. – С.84–94.
8. Маковский М.М. Теория лексической аттракции (опыт функциональной типологии лексико-семантических систем). – Москва: «Наука» 1978. – С.5–7.
9. Медникова Э.М. основные направления в изучении лексического состава языка с применением метода компонентного анализа (в зарубежной лингвистике. Основы компонентного анализа. – Москва: из-во Моск.ун-та, 1969. – С.6–26.
10. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. – Т.1-2. – Москва: из-во «Учпедгиз», 1958. – 500 с.
11. Серебрянников Б.А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания. Принципы описания языков мира. – Москва: из-во "Наука", 1976. – С.7–52.
12. Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о частях речи. Спорное в языкознании. – Ленинград: из-во Ленинград. ун-та 1974. – С.19–34.
13. Стеблин-Каменский М.И. Об основных принципах грамматического значения. Спорное в языкознании. – Ленинград: из-во Ленингр. ун-та, 1974. – С. 3–31.
14. Уфимцева А.А. Лексика. Общее языкознание. Внутренняя структура. – Москва: из-во «Наука», 1972. – С.394–456.
15. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – Москва: из-во «Наука», 1973. – 280 с.
16. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – Москва: из-во «Просвещение», 1977. – 334 с.
17. Щераба Л.В. О частях речи в русском языке. Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: из-во «Наука», 1974. – С. 39–60.

Колесников О.А.

ІНФОРМАЦІЙНЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ІННОВАЦІЙНОГО МЕНЕДЖМЕНТУ В ПІДПРИЄМСТВАХ УКРАЇНИ

Управління розробкою і впровадженням інновацій на підприємствах нерозривно пов'язано з постійним прийняттям рішень і здійсненням контролю за їхньою реалізацією. Обидва ці види діяльності припускають одержання і переробку визначеної інформації – як про зовнішнє середовище, так і про процеси, що відбуваються усередині підприємства. Дослідження показують, що доступ до інформації технічного і комерційного плану, канали її одержання, оперативність її обробки й аналізу, а також налагоджена система інформаційних потоків усередині підприємства виступають у якості одного з істотних факторів, що забезпечують успіх інноваційної діяльності в промисловості.

Такі автори робіт з інноваційного менеджменту як Фатхутдинов Р, А. [5, с. 279], Завлін П. М. [4, с. 115] торкаються питань інформаційного забезпечення. Мета статті – узагальнити отримані знання, виявити основні проблеми та визначити основні джерела інформаційного забезпечення інноваційного менеджменту українських підприємств.

Аналіз інформаційних проблем інноваційних процесів дозволяє розділити їх на дві великі групи: зовнішні (обмін інформацією з органами регулюючими і контролюючими нововведення на макрорівні) і внутрішні (інформаційне забезпечення на етапах підготовки і реалізації конкретних інноваційних проектів на рівні підприємства). На макрорівні можна виділити співпрацю з міжнародними органами у галузі інформаційного забезпечення інноваційного менеджменту, а також з державними та місцевими відповідними органами. Зараз керівники підприємств України при одержанні інноваційної інформації стикаються з такими проблемами. На державному рівні – це відсутність єдиної інформаційної бази, та доступу до неї;

– майже зруйнована система інформаційної підтримки підприємств в області нової техніки і технологій, що існувала за радянських часів;

– не розвинута система розвитку інноваційних центрів та бізнес інкубаторів;

– недостатньою є відкритість каналів проходження інноваційної інформації від підприємств до державних статистичних і облікових органів.

На рівні підприємства:

– на стадії виникнення ідеї – поінформованість керівництва підприємства про його перспективи на ринку й у сфері техніко-технологічної забезпеченості;

– на стадії впровадження інновацій – при налагодженні устаткування і доведенням технології;

– слабка поінформованість рядових працівників про цілі і задачі здійснюваної інновації і її безпосереднього взаємозв'язку з економічними інтересами членів трудового колективу;

– слабка комп'ютеризація бізнес-процесів та відсутність розробленої системи оцінки ефективності впровадження інновацій.

В Україні інформаційне забезпечення підприємств знаходиться на низькому рівні. Кабінет Міністрів